

Мы дождались

А. АЛТУХОВ

Арсений Алтухов

Мы дождались!

«Автор»

2026

Алтухов А.

Мы дождались! / А. Алтухов — «Автор», 2026

Герой-циник, потерявший любовь своей жизни Женю изза собственной слепоты, после долгих лет унижительного одиночества находит забытый чёрный бантик — и его сознание переворачивается. Он решает, что может переписать вселенную: дожждаться флуктуации энергии, которая обратит энтропию вспять, и время пойдёт назад. Тогда он вернёт Женю, воскресит мёртвых, исцелит все раны мира. Его воображение рисует райские картины всеобщего счастья — динозавры, хороводы, космос и вечный покой. Но чем ярче эти грёзы, тем яснее: это не научная теория, а гимн безумию, единственное лекарство от боли. Исповедальная проза на грани сюрреализма, где самая откровенная исповедь оборачивается дерзкой попыткой обмануть смерть. Для ценителей психологической драмы с философским подтекстом.

© Алтухов А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Мы дождались!

Глава

Дорогой читатель, я уже давно умер. События, описанные в сей работе, разворачиваются в далёком будущем, но как же такое возможно? Как могут события относиться к будущему, да ещё и с давно почившим героем? Не торопись: в скором времени ты всё поймёшь. Я всегда был исполнен глубокой печали; в литературе меня бы нарекли «маленьким человеком»-это определение как нельзя лучше очерчивает суть моей жизненной драмы. В юности моё поведение и отношение к людям были проникнуты безнравственностью, даже чрезмерной, граничащей с ожесточённым цинизмом. Все мои товарищи представляли не как живые личности, а как бездушные инструменты, пригодные лишь для утоления собственных амбиций. Я не ведал, что такое любовь в её чистом, возвышенном смысле; моё восприятие этого чувства застыло на платоническом уровне, лишённом подлинной теплоты. Тогда мне было безразлично, какие бури бушуют в душах других людей; да и если бы я искренне желал стать иным, мой рассудок, холодный и расчётливый, не позволял вести себя достойно. Он с изощрённой изобретательностью выстраивал хитроумные схемы, лишь бы я не поддался слабости и продолжал исполнять роль бесстрастной, расчётливой машины, движимой одной лишь практической выгодой. Откровенно говоря, у меня имелась роковая слабость-девушки. Я неизменно оказывался падок на интимную связь, жаждал ласки и покорности, словно изголодавшийся путник-глотка воды. Не ведаю истинных причин такого поведения, да и, по правде сказать, они не играют решающей роли: всякое действие-это явление, и тщетно искать его истоки, пока научный прогресс не вооружил нас знанием, способным пролить свет на эти тёмные уголки души. Одну из девушек, на которую пал мой страстный, но лживый и почти звериный взгляд, звали Женей. Наша история бесконечно длинна, и я не стану раскрывать её в этом сочинении-она подробно изложена в иной работе. Да и эти мемориальные записки едва ли играют первостепенную роль в данных очерках. В тех отношениях я повёл себя, честно признаюсь, недостойно. Мы неоднократно возобновляли связь и вновь расставались; я изменял ей и делил с ней измены, став её первой любовью-и одновременно источником бесчисленных душевных ран. Минуло немало времени с тех пор, как свершились те горькие деяния. И всё же на протяжении всей своей жизни я неизменно выделял Женю как лучшую из спутниц почти во всех отношениях-и это чистая правда: никто не мог сравниться с нею, но осознание этой истины пришло ко мне слишком поздно. Порой мне кажется, что эти слова-лишь жалкие оправдания моих постыдных поступков. Когда в моей израненной, истерзанной душе наконец утихла бурная страсть ко всем прочим девушкам, я с пронзительной ясностью понял, что всегда нуждался именно в таком человеке, каким была моя Женя-в её тихой силе, в её способности пробуждать в душе что-то светлое. К тому моменту горькое прозрение пробудилось в моём сознании с мучительным опозданием. Помню тот миг, когда она в последний раз написала мне, исполненная надежды всё вернуть. Но в ту пору я был всецело поглощён страстью к другой девушке-порочной до безумия, но невероятно прекрасной, пылкой, необузданной, поистине безумной. В тот миг иных критериев для выбора спутницы у меня не существовало, и она соответствовала всем моим искажённым меркам. Полагаю, нет нужды даже догадываться, чем завершилась эта история: тогда, как ни удивительно, я не пожелал изменять своей даме, с которой мы тонули в огненном водовороте страсти. Мои ответы Жене были ледяными, скупыми, односложными; я не выказывал ни малейшего интереса к общению, хотя, буду с вами предельно откровенен, оно манило меня с почти болезненной силой. И всё же я держался, наивно полагая, что эта показная верность-нечто добродетельное. Со временем эта связь с искустельницей угасла. Я не стремился к новым

отношениям и бесцельно скитался, словно тень, лишённая опоры; моя жизнь превратилась в унылый ручей небытия-её едва ли можно было назвать жизнью: то было лишь бесцветное существование. И вот однажды на меня снизошло внезапное прозрение: я осознал, что потерял и отчаянно скучаю по тому, что тщетно искал в череде порочных связей, державшихся лишь на мимолётной страсти. Я словно прозрел: мне чудилось, будто я бегу вперёд, заливаясь слезами, туда, где ждёт моя Женя. Я плакал от горького счастья, оттого что мой греховный путь наконец завершился. Мне грезилось, что я паду к ногам любимой и прошепчу: «Наконец-то я всё понял-мне не нужен никто другой. Я любил и люблю тебя!» Но творец уготовил мне заслуженное наказание-хотя в конечном счёте я сумел его перехитрить! Но в чём же заключалось это наказание-за то, что я столь безрассудно отверг дар, превышающий ценность трудов величайших философов и учёных, превосходящий значимость жизни любого земного существа, важнейший, чем единый закон вселенной? В тот миг, когда мой измученный, потрёпанный рассудок наконец постиг, чего жаждет моя душа более всего на свете, Женя уже была с другим. Ну и что с того? В моём сознании тотчас родилась дерзкая мысль: «Она уйдёт от него-я ведь не раз отбивал её у других!» Но нет: они были понастоящему счастливы, и она полюбила его куда сильнее, чем меня; да и его чувства к ней были глубоки и искренни. Он воплощал её идеал и, честно говоря, был куда прекраснее меня. У её возлюбленного не доставало лишь одного качества-силы; а вот её-то у меня как раз было в избытке. Тогда в моём уме зародилась мрачная идея: если Женя не желает быть со мной по доброй воле, я заставлю её. Я замыслил убить его. Очень, очень долго я разыскивал адрес, где они жили: использовал всевозможные программы, подговаривал общих знакомых, пускался на разные уловки-но всё было тщетно. Множество попыток потребовалось, прежде чем я осознал простую истину: я не Рогожин, не Клод Фролло и не Хитклиф. Если бы я в итоге лишил его жизни, то попросту оказался бы за решёткой, а мой драгоценный лучик света навсегда возненавидел бы меня. Пришлось отказаться от этой безумной затеи. Я продолжал, подобно бездомному псу, униженно молить о возвращении в родной дом у своей хозяйки. Каждый раз, приходя к двери того места, где когда-то ощущал уют, я пребывал в ужасающем состоянии. Не помню точно, но, вероятно, по пути я вступал в драки с такими же отверженными дворовыми псами, которых, подобно мне, безжалостно выставили за порог. Хотя нет-я был даже хуже: меня не выгоняли пинком; я сам, словно обезумев, искусал хозяйку, затем повилял хвостом и убежал на мнимую свободу, а после вернулся-жалкий, беспомощный, грязный, сломленный пёс. Вскоре я оставил попытки вернуться в тот дом: понял, что отныне мне там не рады. С той поры между нами существовал лишь один канал связи-я следил за её социальными сетями. Там мне приходилось созерцать фотографии, где она позирует с пышными букетами, снимки с годовщин, милые видеоролики с ним. Тогда во мне вскипала ярость; я проклинал свой телефон, словно последний еретик, и едва сдерживался, чтобы не сорваться с места, не дать волю рукам и не покалечить ненавистного соперника-вора, похитившего моё счастье, которое я сам так легкомысленно, с поразительным равнодушием вручил в чужие, якобы «добрые» руки. Фу, читаю нашу историю-и хочется вырвать себе сердце! Я тот, кого всегда презирал и ненавидел! Этот классический, всем до оскомины надоевший образ, напыщенный и жалкий, вечно гнезился во мне, отравляя каждый миг. Ладно, отбросим эмоции. Далее я оставил все попытки вернуть её и словно растворился в серой пустоте-перешёл в аморфный режим. Стал злым, угрюмым, печальным и бесконечно посторонним-будто выпал из человеческой жизни, откололся от социума, как льдина от берега. Я жил в ветхой однушке, где воздух был пропитан горечью и едким запахом дешёвого табака. Табак, в отличие от продуктов, у меня лежал в бараке целыми блоками. Вначале ни один день не начинался без слёз, но вскоре силы покинули меня-и слёзы тоже иссякли. Тот период жизни можно описать как сплошной белый шум: казалось, этот мерзкий, назойливый гул навек поселился в моих ушах. Я всеми силами пытался его заглушить, срывался, пытался задушить его, стирая пальцы в кровь о собственные виски, но всё было тщетно. Тогда мне казалось, что мой

злейший враг-вовсе не возлюбленный Жени, а этот проклятый шум: он издевался надо мной, насмехался, шуршал, шипел, выводил меня из себя. Представьте моё отчаяние: даже волны, разбиваясь о берег, словно доказывали мне мою ничтожность. Я кричал и сражался со стенами-с этими ненавистными, глухими, равнодушными стенами моего ненавистного дома! Ох, как же я кричал тогда! Мои исхудавшие руки давно утратили былую силу; костяшки на кулаках вечно выпирали, холодные, бледные, уже пару лет как беспомощно слабые. Помню, как каждый раз, сидя на раскладушке, я тёр свои ладони, будто пытался стереть с них саму память о прикосновениях, пытаюсь хоть так обрести покой. Да, возможно, у меня был яркий психоз-я этого не отрицаю. Но мысли о реабилитации были мне так же отвратительны, как и всё остальное в те дни. Максимум, на что я был способен в отношении своего здоровья-это поддаться соблазну подсесть на что-нибудь. И единственная причина, по которой я так и не прикоснулся к веществам, заключалась в их абсолютной бессмысленности: если бы я и обратился к ним, то лишь от скуки, от пустоты, от желания заполнить тишину хоть каким-то ядом. Помню до сих пор эту внутреннюю ненависть ко всему сущему. Любой шорох мог выбить меня из хрупкого равновесия, превратить мою келью в поле битвы. Повторюсь: я не терпел звуков-они вбивались в мозг, как иглы. В тот мрачный отрезок моей жизни, стоило собакам за окном разразиться лаем, я, словно одержимый, вскакивал с дивана, начинал орать, крушить и без того скудный гарнитур. Я ломал свою пожелтевшую лампу, швырял раскладушку, покрытую тёмными пятнами, а потом падал на пол, обессиленный-то ли от хронического недосыпа, то ли от того, что почти не ел, а скорее всего, от всей этой горечи разом, от тяжести, сковавшей каждую мышцу. Возможно, все три причины слились в одну убийственную усталость. Покой я мог найти лишь в книгах-да и то далеко не во всех. К литературе я относился с беспощадной строгостью. Мне были близки Камю, Сартр, Гюго, Достоевский, Тургенев, Гессе-в их строках я находил мрачное родство, эхо собственной боли. Если же книга казалась мне недостойной, я швырял её в сторону и обрушивал на её «скудное существование» целую лавину проклятий. Таких слов, казалось, не произносят даже худшему врагу, а я разбрасывался ими направо и налево, осыпая упреками неодушевлённые предметы. Это стало своего рода ритуалом моей рутины: у меня не было ни друзей, ни знакомых, чтобы излить на них эту ядовитую горечь, и потому весь мой гнев обрушивался на стены, на лампы, на книги, на пустые углы. Уверен: если бы у меня тогда был сожигатель, наш дом превратился бы в «Грозовой перевал» во власти обезумевшего Хитклифа. Странными были те времена-я и сам толком не знаю, как их описать. Помню, как плакал над «Евгением Онегиным», когда вдруг с пронзительной ясностью понял, что мы несём одну и ту же ношу-постыдную, банальную, глупую и, что самое горькое, вполне заслуженную. Моя ненависть и печаль никуда не исчезали, они просто затаились, дожидаясь момента, когда у меня снова появятся силы злиться. Но со временем я настолько устал от собственных истерик и капризов, что даже ярость стала непосильной ношей. Я помню эту точку невозврата: я лежал на кровати, и глаза мне резала бессонница-я не мог сомкнуть век, не мог укрыться от этой внутренней тьмы. Я просто смотрел в потолок, не думая, не размышляя, а лишь существуя в этом тягучем, вязком моменте. И снова донёсся ненавистный лай, но на этот раз не было ни бешенства, ни злости, ни криков. Я лишь глухо застонал и повернулся на бок. Мой рассудок окончательно устал. Я знал лекарство-тот самый препарат, который одной таблеткой мог бы поднять меня на ноги, вернуть силы и ясность. Но это лекарство больше не желало знать меня, отвернулось, как все остальные. Так я пролежал на своей грязной кровати ещё двое суток. Иногда я проваливался в короткий, тревожный сон, но каждый раз резко просыпался, будто от кошмара, хотя сны давно покинули меня, оставив лишь пустоту и ощущение, что кто-то впивается в меня когтями. Но никого не было: бог оставил меня наедине с этими ненавистными стенами. Для социума я стал потенциальной опасностью, нестабильным изотопом, испускающим невидимую угрозу, или старым антиквариатом, который даже за бесценник никто не возьмёт на блошином рынке. В конце концов мне всё же пришлось встать. Ощущение голода оказалось

сильнее апатии. Слава богу, что не нужно было идти на работу: небольшой капитал я получал с пособия. Думаю, если бы в этот удушающий быт внезапно ворвалась необходимость трудиться, я бы прыгнул в петлю в первый же день. Мне нужно было сходить в магазин. Еле натянув на себя давно не стиранную одежду, я взглянул на своё отёкшее, небритое лицо и с горечью подумал, как сильно меня потрепало время. Раньше это лицо было красивым, свежим, оно разбивало десятки сердец, его ласкали множество рук. То время, когда я был обожаем и интересен социуму, казалось теперь утерянным навсегда. Я часто ловил себя на мысли, что тот фрагмент динамичной, яркой жизни я либо придумал, либо прочёл в книгах Жюль Верна-как вообще всё это могло происходить с нынешним доходягой? В тот миг я почувствовал себя Григорием Мелеховым, возвращающимся в родной хутор: сын узнаёт в лице бродяги своего отца-родного и любимого, но до неузнаваемости изломанного жизнью. Закупки были самыми обыденными: хлеб, колбаса и алкоголь. Большого мне и не требовалось-лишь что-то, чтобы просто выжить, не более. Думаю, не стоит дальше расписывать, какова была моя жизнь в тот момент. Так я прожил ещё два с половиной года, погрязнув в болезнях, антисанитарии и бесконечных жалобах соседей. Из «хороших новостей» у меня появились сожители-целая армия насекомых и грызунов. Я даже не пытался их прогонять, и, как ни странно, благодаря этому крысы не кусали меня. Повезло, что я не умер от бешенства, заразившись от своих новых «соседей».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.